
о с т у д а

Мария Роше
Остуда

https://litres.ru/74913114
SelfPub; 2026

Аннотация

Дмитрий Иванович Яхонтов, корнет лейб-гвардии кавалерийского полка, обесчестил чужую невесту и вынужден бежать от гнева обманутого жениха в глухие тверские леса. Но возмездие уже идёт за ним по пятам и скоро настигнет его в неожиданном месте, в непредвиденном облике...

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента. 14

Мария Роше
Остуда

ОСТУДА

«Мерзость пред Господом всякий надменный сердцем; можно поручиться, что он не останется ненаказанным».

(Ветхий Завет. Книга Притчей Соломоновых)

В двадцатых числах декабря тысяча восемьсот шестьдесят шестого года корнет Первой кавалерийской дивизии гусарского полка Дмитрий Иванович Яхонтов спал у себя в скромно обставленных меблированных комнатах, и снилась ему, вопреки обыкновению, покойная маменька. Будто сидит она у окна в неизменном вдовьем уборе, прижимает платочек к губам и шепчет: «Побойся Бога, Митенька… Побойся Бога!»

И только Дмитрий Иванович вознамерился спросить у старушки, чем она, собственно, недовольна, как сон его прервали самым бессовестным образом. Хлопнула входная дверь, гулко затопали сапоги, и в спальню Яхонтова ворвался его денщик — точнее, нанятый в услужение толковый мужик из деревенских: иметь настоящего денщика молодому корнету пока что не позволяли ни звание, ни выслуга лет. Зва-

ли денщика Фёдором, росту в нём было без малого десять вершков[1], и сейчас добротный тулуп на богатырской груди его был распахнут, а рыжий треух съехал набок.

— Вашеблродье, беда! — отдуваясь, выпалил Фёдор. — Бечь вам надо отсюдова и поскорее! Прознал, проклятый, прознал обо всём!

— Федька, леший… — пробормотал Дмитрий Иванович, мысленно отпуская маменьку. И подскочил на постели: — Как прознал?! Я ведь ни единой душе…

— На трезвую-то голову да, — Фёдор тяжело прошагал к шкапу за висящей на гвозде шинелью из теплого сукна. — Но было дело, после двух бутылок шампанского поручику Литвинову проговорились, а Литвинов, шельма, тот ещё вестовщик[2]. Одевайтесь, вашеблродье, полковник лютует, того и гляди будет здесь!

Яхонтов вздохнул. Выпростал себя из одеял, потянулся было за мундиром, но передумал и надел повседневный тёмно-зелёный сюртук с белым подбоем, красным воротником и эполетами. К нему полагались серые рейтузы с красными лампасами и синяя шапка с красным околышем. Пусть не так нарядно, как в красном доломане с ментиком, синих чакчирах, украшенных золотыми галунами, в кивере с белым султаном[3], зато менее приметно на улицах города. Если бежать,

---

[1] *Примерно 186 см.*

[2] *Сплетник.*

[3] *Элементы парадной гусарской формы тех лет.*

так делать это надо с умом, которого ему явно не хватило на то, чтобы до конца остаться неузнанным…

***

Месяцем ранее Яхонтов был гостем на свадьбе начальника штаба Первой кавалерийской дивизии полковника Петра Семёновича Гуцайло.

Надо отметить, что столь значимое событие неожиданно для всех перенесли с Иванова дня[4] на последний скоромный день перед Рождественским постом[5]. Венчание состоялось буквально через неделю после помолвки. Причины такой торопливости назывались разные, чаще всего — срочный отъезд жениха в Москву за неотлагательной надобностью, и только близкие друзья полковника, в их числе непосредственный командир Яхонтова генерал-лейтенант Столпаков, многозначительно переглядывались и намекали в узком кругу, что Гуцайло «имеет некие сомнения насчёт благонравия невесты». Дмитрий Иванович, замечая подобное, весь дрожал от негодования и страха.

Невестой полковника была юная Варинька Астафьева, дочь генерала, кроткая, как голубица, одарённая красотой

---

[4] *Иванов день (Зимний свадебник, праздник в честь святого Иоанна Предтечи) отмечали 20 января. Он открывал период свадеб, который длился до Масленицы. Верили, что брак, заключённый в это время, будет счастливым и долговечным.*

[5] *В XIX веке этот день приходился на 14 ноября. С 15 ноября до 25 декабря — Рождественский пост.*

нимфы и страстностью лесного пожара. По долгу службы часто бывая в доме её отца, Яхонтов был очарован девушкой с первого взгляда, совершенно потерял голову и, как безумный, бросился на приступ, ещё не зная, что генерал давно уже обещал руку дочери старому приятелю, с которым вместе воевал в Крыму. Русые кудри, военная выправка, лихо подкрученные усы на смазливом лице и умение декламировать сонеты Шекспира в оригинале за пару визитов безвозвратно покорили девичье сердце, и Варинька бросилась в омут сумасбродной взаимной любви. Они тайком встречались в саду, в заброшенной, увитой плющом беседке, где сперва не сводили друг с друга глаз и робко держались за руки, а потом стали позволять себе более смелые занятия, пока однажды в начале осени не увлеклись настолько, что по возвращении домой нимфе пришлось прятать от горничных весьма недвусмысленное алое пятно на нижней юбке. Яхонтов в сладкой неге мечтал, что теперь-то они с Варинькой непременно поженятся. Однако вскоре генерал объявил о грядущей помолвке с Гуцайло, и мечты корнета растаяли, как прошлогодний снег. Более всего Дмитрия Ивановича тяготило то, что теперь они с предметом его воздыханий будут навечно разлучены и нежная Варинька станет принадлежать другому. Не раз и не два накануне чужой свадьбы он просыпался в своей одинокой комнате весь в слезах и клял незавидную судьбу сына обедневших помещиков, получившего в наследство от покойных родителей неустроенное имение и

двадцать пять десятин земли.

Итак, свадьба состоялась, и в доме генерала Астафьева устроили праздничный вечер с музыкантами, шампанским и танцами. Только новобрачные не выглядели радостными: полковник не стал танцевать с женой и, едва просидев за столом положенный час, отведённый на поздравления, решительно повёл молодую супругу в спальню…

Здесь Яхонтов не выдержал и покинул гостеприимный дом, чтобы вернуться к себе и прорыдать весь вечер. Жалея хозяина, Фёдор принес ему водки, и после двух рюмок Дмитрий Иванович забылся глубоким беспамятным сном, слегка успокоившим в его сердце муки любви и ревности.

Потом ему рассказали, что спустя два часа новоиспеченные супруги Гуцайло снова вышли к гостям. Глаза у Петра Семёновича были лютые, как у покойного императора Петра в минуты ярости, а Варинька шла нетвёрдо, растерянно улыбалась, и одна щека её была бледна, а вторая пунцова, словно после крепкой оплеухи. Тотчас же полковник велел подавать лошадей, и молодые уехали. Как выяснилось позже, Гуцайло отвёз жену к себе в деревню, а сам, не задерживаясь, вернулся в Тверь с целью выяснить, кто же посмел разрушить его семейное счастье.

До сих пор Яхонтову удавалось благополучно скрывать свою причастность к этой неприятной истории. Но, как следует из известной русской поговорки, сколько верёвочке ни виться, а кончик-то вот он…

***

Для побега взяли полковых лошадей. Яхонтов увёл своего коня, серого в яблоках Зевса, Фёдору досталась пожилая гнедая кляча из тех, что ходили в обозе и прозвища не имели. Из оружия прихватили кавалерийский штуцер[6] — на всякий случай.

— Куда едем-то, вашеблродье? — спросил денщик уже на окраине города. — Никак к вам в Новогородчину?

— Дурак, — огрызнулся Яхонтов, оглядывая расстилающиеся перед ними заснеженные луга. — Если отправлюсь в имение, поймают меня в тот же день. Там и будут искать в первую очередь, поэтому свернём в другую сторону. Тверская губерния велика, в какой-нибудь деревушке отыщем приют. А там, глядишь, поуляжется, поутихнет. Не вечно же полковник будет требовать сатисфакции…

— Кого? — наморщил лоб Фёдор, но Яхонтов только махнул рукой в сторону узкой дороги, ведущей прямиком через лес.

Ехали молча. Сперва галопом, но лошади быстро устали и перешли на рысь. Ближе к вечеру стала подниматься метель, дорога запетляла, потом вовсе пропала, и кони пошли шагом: Яхонтов прокладывал путь, денщик его, словно верный оруженосец, брёл следом.

В лесу не было ни души. Столетние ели, качая тяжёлыми

---

[6] *Укороченное нарезное ружьё.*

лапами, роняли на незваных гостей целые пригоршни снега. Когда опустились сумерки, ещё больше похолодало и замело сильнее: ветер неистово сёк кожу и, словно алчущий зверь, старался добраться до глаз. Яхонтов дрожал в своей суконной шинели и шерстяных рейтузах так, что зуб на зуб не попадал. Фёдор недовольно кряхтел и прятал лицо в воротнике тулупа.

— Вашеблродье, — наконец взмолился он, — надо к жилью выезжать, не то околеем вусмерть! Сегодня никак Корочун[7]: холод собачий, сопли в носу застывают, ещё чуть — и муды примёрзнут к седлу!

Яхонтов огляделся. Дорогу он потерял, но признать, что заблудился, не позволяла гордость.

— Туда! — указал он наобум, в просвет между обледеневшими зарослями. — Шевелись!

А сам подумал: вот было бы славно выйти случайно к деревне, где прозябает Варинька, и в её доме найти приют! Как она там одна, брошенная постылым, мстительным мужем? Быть может, смотрит сейчас сквозь метель и зовёт тихонечко: «Где ты, Димитрий, мой милый друг?»… По щеке мечтательного корнета скатилась слеза и тут же застыла на заиндевевших усах.

— Вашеблродье, возьмите левее! — через полчаса не выдержал Фёдор. — Иначе, ей-богу, замёрзнем, а я Катьку свою

---

[7] *День Корочуна, 21 декабря — зимний солнцеворот, время самых сильных морозов.*

вдовой оставлять не хочу и детей сиротить тоже! Чую, есть там деревня, а чутье у меня, как у медведя… Левее, говорю, не туда!

Денщик на гнедой кобыле вырвался вперёд и сам стал указывать путь. Вскарабкались на горку, после спустились к реке, пошли вдоль неё — и вскоре увидели на холме заснеженный частокол, над которым белели крыши домов. Но, сколько ни стучали они в ворота, сколько ни поднимали шум, сперва требуя, а потом умоляя пустить в деревню, им никто не открыл. Только взлаяли пару раз дворовые псы — да и то неохотно, с ленцой, словно говоря замерзающим путникам: вам тут не рады, подите прочь.

Фёдор в сердцах плюнул на частокол — слюна повисла и в тот же миг побелела. От холода сводило скулы, Яхонтов трясся как в лихорадке. Беспомощно озираясь, он вдруг заметил неподалёку, среди сосновых стволов, жёлтый, манящий домашним теплом огонёк. Неужто почудилось?

— Федька! — прохрипел он. — Глянь, внизу не изба ли?

— Она! — обрадовался денщик. — Дай-то боженька, там живут добрые люди, не этим злыдням чета.

***

Добрые люди им тоже не открывали, пока задубевший и потому озверевший Фёдор не пнул как следует крепкую дверь и не выматерил притихших хозяев натуральным каза-

чьим загибом[8], после чего внутри послышались голоса, лязгнул засов и наружу выглянуло бледное лицо женщины. «Ох, матка боска![9]» — выдохнула она и распахнула дверь шире, пропуская гостей за порог.

Яхонтов и Фёдор ввалились в тепло едва ли не на последнем издыхании.

С Дмитрия Ивановича, почти сомлевшего, слупили одежду, сдёрнули сапоги. Хмурый седой мужик закутал его в одеяла, уложил на постель, накрыл овчинным тулупом, и Яхонтов, едва согревшись в хорошо протопленной комнате, тотчас уснул. Снились ему запах водки, Федькин раскатистый храп и робкий девичий голос, прошептавший над ухом «Яки ладне! [10]».

Проснулся Дмитрий Иванович уже утром, от собственного надрывного кашля, и, испугавшись незнакомой обстановки вокруг, выскочил из одеял. Но Фёдор, сидевший в исподнем на соседней постели, успокоил его: мол, всё хорошо, никакой опасности нет.

— Приютила нас семья благородная, верующая, — рас-

---

[8] *Большой и Малый Петровский, Морской, Казачий загибы — классические русские матерные формулы, строящиеся как цепь обсценных проклятий. Ведут происхождение из народной магии, от ритуальных заговоров и заклятий. Им приписывали всепобеждающие магические свойства, особенно против иноземных врагов.*

[9] *Матерь Божья (польск.).*

[10] *Какой хорошенький! (польск.)*

сказывал он. — В каждой комнатке по распятию: бога чтят, не то что нехристи те с холма.

— Отчего ж долго не открывали?

— Так ясное дело: ночью, особливо на Святках, ночные гости-то все от лукавого.

— Почему тогда впустили?

— Так нечисть-то, вашеблродье, известно же, не умеет ни молиться, ни материться! — подмигнул Фёдор. — А оне — старый барин, вдовая барыня и девица, дочка её — хоть из ненашенских, но болтают и понимают по-нашему справно. Сказали, как проснётесь, извольте выйти откушать со всем семейством.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.